

ДЕНЬ С ФЕНИМОРОМ КУПЕРОМ

Куперстаун — от Нью-Йорка на север, к канадской границе. Нужно перевалить через Катскилские горы, пересечь долину реки Черри и держать курс на лесное озеро Отсего, из которого рождается река Саскуиханна, что на языке индейцев делаваров значит Полноводная.

Ночь я провел в мотеле «Последний из могиан» на дороге № 28 и приехал в Куперстаун на рассвете. Город маленький, живет в нем всего две тысячи шестьсот с чем-то человек. Вокруг невысокие горы, поросшие сосновым лесом и березой. Мачтовые сосны смотрятся в зеркало озера. Я остановил машину на берегу, выключил мотор. Ветер гнал по озеру холодные серые волны. По капоту машины стучала снежная крупа. Шумел лес. Глухой шорох и стон рождались в его глубине, поднимались над вершинами, летели над озером, над белеными домиками еще спящего городка.

— Это плачут души моих предков, — сказал Джон — Спешащая Черепаха, 20-летний чистокровный индеец из племени могаук. Прихрамывая, он подошел к машине, чтобы прикурить сигарету, торчащую из уголка рта. Его прямые черные волосы, в которых застряли снежные крупинки, были стянуты на затылке красной лентой. Больше ничего индейского в его облике не было. Никаких там перьев, мокасин, томагавков. Черный свитер, потертые джинсы. Через плечо почти до пола — холщовая сумка. В руке палка с металлическим штырем на конце. Он прокалывал этой палкой бумажки, картонки из-под молока, коробки из-под сигарет, разбросанные по берегу, и складывал в сумку. Джон — Спешащая Черепаха работал городским мусорщиком.

Я дал ему спички, он зиркнул, но ветер задул слабое пламя в его ладонях.

— Мой прадед, умевший разжигать костер из искры красала, не похвалил бы меня, — сказал он, улыбнувшись. Он был спокоен, полон достоинства и приветлив. Ответил на все мои вопросы, но мне не задал ни одного. Я спросил: почему?

— Вы мой гость, — ответил он, — а к гостю невежливо приставать с расспросами. Если гость захочет, он расскажет о себе сам.

У Джона среднее образование, что вообще-то большая редкость для индейца. Еще недавно он работал верхолазом-монтажником на строительстве небоскребов в Нью-Йорке, но сломал ногу и вот вернулся в места своих предков. Как он стал верхолазом? О, это интересная история! Еще в конце прошлого века, когда начали возводить пер-

вые небоскребы, какой-то предприимчивый делец приехал в резервацию племени могаук и выбрал сто самых ловких и смелых юношей. Белые боялись высоты, индейцы — нет. Если упадет с высоты белый — неприятное происшествие. Если индеец — ну и что? Могауки стали отличными верхолазами и с тех пор передают свою профессию из поколения в поколение. Каркасы почти всех небоскребов в Нью-Йорке возведены их руками. Окончив монтировать последний этаж, они мажут стыки стальных балок кровью птиц. Это — против «злых духов». Так когда-то их предки мазали кровью птиц стык березовых жердей, составлявших остои индейского вигвама.

Мы покуривали и беседовали с Джоном, а вокруг шумел лес. Привыкнув к шуму больших американских городов, можно забыть, что есть еще на свете шепот берез, тяжкие вздохи могучих сосен, таинственный гул леса, от которого в сладкой тревоге замирает сердце человека.

— Мы уже не помним языка матери-природы, а он хорошо знал его, — сказал Джон. Я посмотрел в ту сторону, куда он кивнул, и увидел мускулистого человека, а у его ног насторожившуюся собаку. Человек и собака замерли на вершине серого гладкого валуна на берегу озера. Они были из бронзы. У человека было мужественное лицо и длинные волнистые волосы, ниспадающие на широкие плечи. Одежда — из шкуры какого-то зверя. На ногах — индейские мокасины, хотя человек не был индейцем. Я догадался, что это Натаниэл Бумпо, герой книг Фенимора Купера.

Потом, простившись с Джоном, я стоял у места рождения Саскуиханны — слабенького ручейка, вытекающего из озера Отсего, чтобы на пути к Атлантическому океану стать могучей и красивой рекой, о которой сложено в Америке немало песен. И снова душа моя настроилась на лирический лад, но — стойте, стойте! Что это за позеленевшая от времени бронзовая доска на мосту? И что это за пирамида на горке за ручьем?

«В 1779 году здесь прошли войска генерала Джона Сулливана и генерала Джеймса Клянтонна», — гласит доска. — Это была экспедиция против непокорных индейцев».

И на каменной пирамиде — тоже древняя надгробная доска:

«Призствуем вас, беднолицые братья! Мы, на чьих костях вы стоите сейчас, Называли себя иронезами. Эта земля, Которой вы теперь владеете, была нашей. Вы отняли ее, щедро дав нам взамен достаточно камня для этой могилы».

Из блокнота журналиста

Так вот, значит, шли войска... А потом возникла эта пирамида. А еще через шесть лет — вот этот город. Уильям Купер был предприимчивым земельным спекулянт, добравшимся вслед за войсками и до здешней глуши. В этих местах он разбогател, стал судьей, полновластным хозяином названного в его честь поселения. Сюда в 1790 году перевез он из штата Нью-Джерси свою семью — жену и семь детей. Младшего звали Джеймсом Фенимором.

Неподалеку от двухэтажного дома с колоннами, в котором жила семья судьи Купера, стояла избушка охотника Шипмэна, лесного бродяги, дружившего с индейцами. Шипмэн знал несколько индейских наречий. Ирокезы и могикиане, гуроны и делавары уважали его за благородство, бескорыстие и отвагу. Каждое племя дало ему свое имя. Одни звали его Следопыт, другие — Соколиный Глаз, третьи — Длинный Карабин.

Этот Шипмэн доставлял немало хлопот судье Куперу. Очень уж свободолюбивым и ершистым был старый охотник. Однажды он спустил с обрыва в озеро и судью, и двух его помощников, пришедших арестовать Шипмэна за какое-то мелкое нарушение закона. С тех пор Шипмэна не видели в Куперстауне: он ушел на запад, к Скалистым горам. Там он и умер в одиночестве, чтобы через много лет воскреснуть под именем Натаниэла Бумпо в книгах Джеймса Фенимора Купера, сына того самого судьи, с которым он крепко не ладил.

Джеймс Фенимор сделался писателем несколько необычным образом. Рассказывают, что как-то раз заболела его жена Сузанна. Купер, сидя по вечерам у постели больной, вслух читал какой-то длинный английский роман. Однажды он с негодованием откинул книгу в сторону и воскликнул:

— Боже, какая скука! Я и то мог бы сочинить интересное.

— Хвастунишка, — отозвался Сузанна.

Были заключены пари, и Купер тут же принялся за сочинение. Через несколько месяцев в ноябре 1820 года в Нью-Йорке небольшим тиражом вышел роман «Предосторожность», описывающий жизнь некоей английской семьи. Автор, взявший все расходы по изданию книги на себя, не пожелал поставить на обложке свое имя. И правильно сделал: роман был из рук вон плох.

Одно было хорошо: Купер мужественно пережил неудачу и снова взялся за перо. Второй его роман — «Шпион», эпизод из войны американцев за независимость, принес ему известность. Но настоящая, всемирная слава пришла к нему вместе с циклом романов о том самом охотнике Шипмэне, которого он вывел под именем Кожаного Чулка.

Эти романы вызвали сенсацию во всем мире. Читая Купера, я рычу от восторга, признавался Бальзак. Лермонтов сравнивал Купера с Вальтером Скоттом, а Белинский даже уподоблял Шекспиру.

Но, увы, нет пророка в своем отечестве! Может быть, единственное место на земле, где не признавали Купера при жизни, был его родной Куперстаун. Здесь жили люди практичные, хваткие, лишенные сентиментальности. Жизнеописание благородного белого охотника и трагедия его друзей-индейцев были за чертой их интересов. «Я охотно сознаюсь, что не одобряю многих и очень многих поступков моих соотечественников», — говорил Натаниэл Бумпо о коварстве белых по отношению к индейцам, и это высказывание не нравилось гражданам Куперстауна. Писателя чуть не выжили из родного города. В памяти нынешних куперстаунцев сохранился рассказ об одной старой леди, которая при встрече с Джеймсом Фенимором Купером (а встречала она его в день по несколько раз) неизменно спрашивала: «Джеймс, дорогой, ты все еще пишешь свои глупые романы? Когда же ты бросишь баловство и возьмешься за что-нибудь полезное?»

Конечно, сейчас земляки Купера уже не считают литературный труд «баловством». Но спросите любого жителя Куперстауна: чем знаменит его город? И он ответит: прежде всего тем, что в 1839 году здешний парень Абнер Даблдей изобрел спортивную игру бейсбол. Да, да, леди и джентльмены, именно отсюда пошла по Америке молодецкая игра, напоминающая старинную русскую забаву — лапту. Здесь родился отец бейсбола великий Даблдей и тем вечно будет славен Куперстаун! Писатель Фенимор Купер? Да, кстати, и Купер здесь жил, если вас это интересует.

В 1939 году здесь был торжественно открыт «Дворец бейсбольной славы». Это замечательный дворец. Почти храм. Мрамор. Колонны. Золото и серебро. Сотни кубков. Портреты знаменитых игроков. Автографы президентов США на бейсбольных битах и мячиках. Боже мой, да есть ли в Америке хоть один болельщик, не мечтав-

ший поглядеть на все эти сокровища?

Но не одним «Дворцом бейсбола» славен Куперстаун. Здесь на обозрение туристов (входная плата 2,5 доллара) выставлено каменное подобие человека ростом выше 3 метров и весом больше тонны. Рассказывают, что в 1869 году на это чудовище наступили, копая в огороде колодезь. «Окаменевший гигант!», «Огромный древний человек!» — закричали газеты. И пошло-поехало! Туристы вытоптали огород, но хозяин не обижался: доллары текли в его карман ручьем. Посмотреть на таинственную находку приезжали даже из Канады. Ученые разделились. Одни в изумлении покачивали головами, другие горячо доказывали, что это грандиозный «розыгрыш». Последние оказались правы.

Сейчас Куперстаун живет в основном за счет туристов. Я спрашивал: что вас сюда привело? Туристы отвечали: «Дворец бейсбола», «Каменный гигант», «Озеро и окрестные леса». И лишь врач из Бостона, приехавший сюда с двумя сыновьями-подростками и восьмилетней дочерью, сказал:

— Мы решили провести день с Фенимором Купером. Дети давно просились сюда.

Бостонец поделился со мной своим разочарованием: в Куперстауне нет музея Фенимора Купера. Мы долго искали могилу писателя. Нас отсылали на лужайку около школы, но там была не могила, а памятник Куперу, воздвигнутый, как и скульптура охотника Бумпо, на средства, собранные американскими литераторами.

На кладбище уже на исходе дня нас привел Джон — Спешащая Черепаха. На невысоком холме стоит маленькая церквушка. Кругом сосны и березы. На могильной плите выбито: «Джеймс Фенимор Купер. 15 сентября 1789 г. — 14 сентября 1851 г.»

— Вот мы и побывали у тебя в гостях, — сказал доктор. Его сыновья склонили головы. Девочка, держась за руку отца, не отрываясь, смотрела на Джона. Наверное, она впервые в жизни видела живого индейца. А он, сидя на пенке, поглаживал искалеченную ногу и с какой-то сдержанной печалью на смуглом лице вслушивался в шум подступающего к кладбищу леса. Сейчас в его облике было что-то от тех индейцев, которые населяют книги Фенимора Купера... «Одинокая, лишенная хвоя сосна на просеке беднолицых», — вспомнились мне слова мудрого Чингачуга, отца храброго Ункаса, последнего из могиан.

Б. СТРЕЛЬНИКОВ.
Куперстаун — Москва.

и правда, 1976, 28 ноября, 1333